

Внучке Марии.

Автор

Анатолий Можаровский

Поэтические тетради

Анатолий Можаровский

Белая вишня

Том второй

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75 Белая вишня. *Поэтические тетради*. Т.2. — К., 2011. — 464 с.

ISBN

ISBN

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

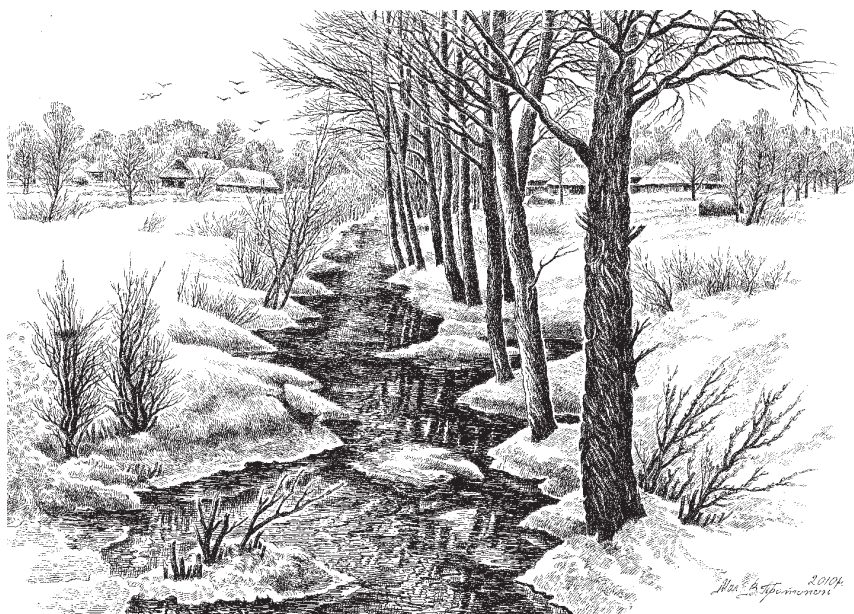
УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

ISBN
ISBN

© Можаровський А.І., 2011.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2011.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2011.

Подарок неба

Миазмы мерзости
из мракодальности
сознания,
скользнувшего
и сползшего вниз по спирали.
Не знаю я
как это вышло,
но там практически все лица
вижу,
что и здесь,
лишь пополам:
пол-лица тут —
пол-лица там.
А нас учили науки диамата,
где Ленин резал правду-матку,
что все развитие
лишь вверх
спираль.
Но все наоборот —
сползаем вниз,
где видим
гульвующих всюду бесов,
и женщин наших с ними,
нагишом.
Все так скрутилось, смешалось,
завертелось
в поисках счастья
и наслаждений.
С утра —
кофе с сигаретой,
секс,
газета,
и дальше день несет
все ближе к ночи.
И под луной
мы все хохочем,
и, упиваясь темножизнью,
катимся вниз,

где видно нас
в другом лице
наполовину,
а в конце,
стараясь позабыть
все, что сотворили за день,
пирог трудов замешанных
на лжи
с прослойкой совести уснувшей
пирог, где сладости
нетребья,
спьяну
съедем,
и отодвинем день еще
один,
туда,
где яма
и спираль
до дна.
И так живёт
почти что вся страна.

20.05.10

Возьму совок, метлу и кочергу
и пойду
на мнимый, выдуманный
верх,
все уберу.
Верхи...
Кто придумал
разницу их с нами?
Такие же на вид, как мы,
ну, чуть получше
на костюмах ткани,
ну, чуть холенее лицо
и чисто выбриты еще,
прически слизко-гладки —
с утра
их личный парикмахер
дует феном,
укладывает пряди,
кому есть что сложить,
а, чаще, глядя
головы с блестящей лаком
кожей у мужчин.
Да ладно, —
бриолин на волосах,
губы сладки, —
они ведь тоже люди,
не подарки.
Но кто-то допустил
ошибку:
то ли они,
а то ли мы,
сжевав картинку
в телевизоре или
журнале,
решив, что это верх небес,
и все они сидят
там высоко над нами.
А все не так.

Я докажу,
когда кого-то
кочергой за зад там зацеплю,
метлой — в совок,
и вы увидите все снизу,
что там — не верх
страны.
Мы ближе
к небу,
вы мне поверьте.
Хоть лака нет на ноготках
у брата,
но он другой,
он искренне
откроет мне лицо
и сердце.
А вы мне о верхах
придуманных!
Страх
от них струится
к нам,
но это — их страх
по делам,
которые творят.
И кочерга моя
покажет всем обрат
их дел закрытых
под ковром.
Клятву верности
они давали:
— Бом-бом-бом...
Двойной стандарт.
Звон колоколов в их личном храме,
их верх,
он, больше, — зад.

20.05.10

Ветер, когда-то чистый и свежий,
сегодня с запахом бензина и нефти,
полетами старых кусков
полиэтилена,
пластик бутылок
стучит по коленям —
свалки и кладбища
вокруг городов.
Всего две проблемы
у мэров,
всего,
где спрятать мусор
и где укопать
покойников толпами,
где землю взять?
Плюс — новые стройки
урбанопроецесса.
Ломают головы
слуги прогресса,
избраны слугами
на благо народа.
Пустые просторы земель,
хороводы
из мусора
и разных отходов,
и это при том,
что меньше стало заводов.
Люди сбиваются в кучи
в бетоне,
а рядом — леса
и чистое поле,
но мы отвыкли
от запаха пота
во время страды, косовицы,
подавай нам доты
из шахт
и металлопроката —
кожура

из бетона —
«хата»
ее называют жильцы и жилички,
стеллаж
и не более.
Плюс электрички,
тыщи несчастных
везущие в город
где запахи нефти, бензина
и муссора горы.

20.05.10

Во Вселенной тайной все покрыто,
что ждет нас впереди
пока закрыто.
А на Земле
секретов нет:
должность и корыто —
в них главный смысл,
причем, открыто.
Здесь ты — заместитель важного министра,
тобой страна, семья гордится,
а там ты можешь быть
из пластика канистрой,
в тебе бензин или смола
будут храниться,
здесь ты вице-губернатор,
и как гусь серьезный,
а там — аккумулятор
в мастерской сапожной.
На выборах работал на
команду, что с терриконов
вниз спустилась,
или печатал в рыла люмпенам
Галичины красиво —
тебя заметили
и привезли в столицу,
ты должность ждешь
и радуешься тихо,
а там ты можешь
быть патроном —
чертенок, балуясь,
крючок спускает,
громом
ты улетаешь вдаль
с концами...

И кто скажет,
что ждет нас в покое вечности
после чинушной,
бундючной славы?

21.05.10

Моя судьба
мне неподъемная,
я хочу давно
спрыгнуть с этого поезда,
но еду в нем
как зачарованный,
а, может быть,
скорее привык.
Лечу под стук колес,
куда?
Зачем?
На какой срок?
Назвать другим словом
жизнь?
— Нет, —
говорю себе:
— Держись!
Срок пройдет
неволи,
кандалы старые
когда-то сброшу,
и напьюсь росы с цветов
своих лугов —
они со мной,
как фотография
или кино,
там, в памяти.
Багаж мой мал,
хоть я
за эту жизнь не отдыхал,
а слов коварных
и низких званий,
которых мне навешали в пути —
много.
Бежать до срока —
обман судьбы.

Она не даст тебе уйти,
поймает быстро,
скорее, сам придешь
обратно тихо,
и запоешь
все ту же песню
о себе:
— Свобода когда?
Когда?!

22.05.10

Ветер волнами
по листьям деревьев,
по травам, цветам —
умиление,
солнечный май
играет душою.
Я позабыл номер твой телефонный,
да и давно уже
замужем ты,
но весна возвращает
в осень мечты:
там, где мы встретились
в дождь под туманами,
листья желтые
в воде умирали,
ты вся светилась...
Я не ценил неба подарок —
оставил тебя навсегда...
Так поступал
не в первый раз.
Уходил,
и в одиночестве
искал надежду.
Вот так и в этот час —
я снова с мыслями
своими остаюсь,
и о душе своей в грехах
молюсь.

22.05.10

Поэт не ходит к прокурору,
поэт не склоняет голову
перед властью с террором,
он сам несет
себя на эшафот,
не потому что горд,
а потому что
знает ход,
которым все идет,
знает конец,
к которому придет
и прокурор с мешками
мзды,
и власть купающаяся
в густой крови
не видя горя
и забыв, что это такое,
упивается собою
в бронзе,
сея террор и ужас
несчастному народу.
Поэт не станет
перед страхом на колени,
лишь Божий страх
ведет его
по сцене жизни.
Но Божий страх —
любви начало,
и там — другой отсчет
счастья.

22.05.10

По полю, по полю,
по зеленой пшенице,
которая скоро заколосится,
по ночной росе
босыми ногами,
под белой луной
над облаками
и звездами сыпанными
по всему небу
я ухожу
за закрытые двери...
Дом родным мне казался
до щемы,
и в сердце моем
намек на измену
в сгорающих углях любви
не посеять.
Но край мой родимый,
обошелся со мной
по другому —
изменой.
Я не стучусь
в закрытые двери,
нет и обиды
и нет обозленья,
может, чуть слезы
и освобожденье
от обязательств моих
перед всеми.
Белеет на небе
заря,
вот-вот солнце взойдёт
и согреет лучами
продрогшее тело,

озябшие ноги
и путь мой
под ним
далеко по новой
неизвестной дороге.

22.05.10

Люди «чистят» себя лекарством,
люди «чистят» себя голодом,
организм «вымывают» от шлаков,
а мысли все те же пользуют,
и туда заглянуть страшно,
там всего столько крутится:
змеиных клубков зубастых,
грешных помыслов —
золото, деньги, власть
любою ценой сорвать
для пользы своей,
для тела,
радовать жизнь оготело,
а затем «промывать», «очищаться»,
молодить себя постоянно.
Бессмысленно все
и уродно,
бесполезная трата средств —
кожа
все равно постареет в пергамент,
ноги двигаться будут вяло
от сладострастий, еды пресыщенья.
Мысли —
в них наше главное
предназначение,
через них и дела добрые,
через них кротость личности,
скромность,
через них любовь
и помощь ближнему,
через них мудрость от Бога.
Мысли — начало действия,
с ними борьба неравная,
но побеждают смелые,
избравшие путь расцвета
совести в сознании.

23.05.10

Покосы травы в мае
под солнцем горячим
и ветром сухим
на глазах увядают
превращаясь в сено,
душистое, сладкое,
подарок природы божественной —
на зиму
корм для животных
и запахи сеновалов,
где не раз
с любимыми мы бывали.
Кружит голову
вином горячим
запах сена
и тела сладость,
плачет душа
за ушедшими днями,
за жизнью в природе.
Сегодня все всё позабывали,
время меняет движением
механизма цивилизации
образ жизни —
все в железе
и скорости
грации
полетов машин
на земле
и под небесами,
на отдых,
к далеким морям
с чудесами
экзотики стран,
сохранивших древние смыслы,
а мы присоединились
к тем, что
в век железный вышли.

23.05.10

Время скоро наступит такое,
что все деньги вновь
превратятся в солому.
— Новая волна кризиса банков, —
так объяснят олигархи,
деньги свои сбагрив заранее
в золото, земли
страны-Морянии,
сбросив бумагу
простым и алчным.
Кризис финансовый
от олигархов,
как раз под июль,
в разгар лета,
когда все согрелись
и заняты этим...
Деньги сгорят,
как было не раз,
но обучать будут
всех нас
снова и снова:
— Деньги — полова!
Когда мы поймем
и выйдем из игры,
олигархи останутся
без черной дыры
из нас, из народа,
и не с кем им будет
строить просторы
обмана обора —
останутся сами
со своими
бумажными цацкоденьгами.

24.05.10

Сине-белое небо
облаками клубящимися —
то морда зверя,
то гора с камнями,
меняются внешне
под дуновением ветра,
движутся медленно
в синеве бесконечной,
солнцем облитые
пока нет бури.
А земля — зеленая
жизнью изумрудной,
и только цветы
всех красок возможных
разрывают зеленый
цвет осторожно —
крапины чуда
цветы земные,
пока нет бури.
Пока нет бури —
солнце лениво,
и я лениво
вместе с природой
созерцаю
птиц свободу,
полет их в неге
спокойствия мира.
И вот с юга,
медленно, черно,
закрывается облако,
за ним — второе,
синерадость
уходит с неба.
Первый гром
и небо темнеет,
солнце скрылось,
исчезли птицы,

первый дождь
стыдливymi каплями
неуверенно падающими
редкими плаксами
как стесняясь
за начало бури,
но тучи давят —
и вот уже лужи,
потоки ливня
с громом и молнией,
ветром сильным,
ломающим все, что можно —
цветы дрожат
от страха и силы
холодной воды
многих кувшинов.
И мне вдруг снова
весело, радостно
под весенним громом
увидеть разницу
бесконечно меняющуюся.

24.05.10